

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОСТЬ

Тенденции реформирования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь в сторону увеличения диспозитивных начал уголовного процесса обуславливают актуальность исследования таких отраслевых категорий, как диспозитивность и публичность. В статье рассмотрен генезис научных взглядов на диспозитивность как категорию уголовного процесса. Проводится анализ ее этимологического значения, природы зарождения и развития. Исследуется сущность диспозитивности в цивилистике и особенности ее функционирования в уголовно-процессуальном праве. Авторы приходят к выводу о том, что в широком смысле диспозитивность в уголовном процессе выступает в качестве возможности использовать любые процессуальные права, имеющиеся в распоряжении участников процесса и других заинтересованных лиц. Соответственно элементы диспозитивности усматриваются не только в институте производства по уголовным делам частного обвинения, но и в праве обвиняемого представлять доказательства, давать показания, иметь защитника, в праве потерпевшего участвовать в исследовании доказательств, заявлять гражданский иск и т. д. Более узкое понимание диспозитивности сокращает перечень этих правомочий, оставляя в нем лишь те, реализация которых способна влиять на развитие уголовного процесса.

РЫБАК
Сергей Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права
Международного университета «МИТСО»

САМКО
Андрей Викторович,

магистр юридических наук, адъюнкт
научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

S. V. RYBAK, A. V. SAMKO

OPTIONALITY IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION: GENESIS AND MODERN TIMES

Trends in reforming the criminal procedure legislation of the Republic of Belarus in the direction of increasing optional nature of criminal proceedings stipulate relevance of studying such branch categories as “optionality” and “publicity”. The article describes the genesis of scholarly views on the optionality as a category of criminal proceedings. It consists of the analysis of the etymological value of the optionality, as well as the nature of its origin and evolution. There is the investigation of the nature of the optionality in the civil law and peculiarities of its operation in the criminal procedure law. The authors conclude that in a broad sense the optionality in criminal proceedings serves as an opportunity to use any procedural rights available to legal actors and other interested parties. Accordingly, the elements of the optionality are found not only in the institute of criminal proceedings initiated by a private charge, but also in the right of the accused to present evidence, testify and apply to a lawyer, as well as in the right of the victim to participate in the examination of evidence, submit a civil claim and etc. More narrow understanding of the optionality shortens a list of these rights, leaving in it only those, the realization of which is able to influence on the development of criminal proceedings.

Преобладание принципа диспозитивности в правовой системе свойственно зрелому гражданскому обществу и демократическому государству. Вместе с тем объектом посягательства общественно опасных деяний, отнесенных уголовным законом к преступлениям, являются жизнь, здоровье граждан, основы государственного строя, экономические устои, что входит в сферу публичных интересов. Это обуславливает превалирование принципа

публичности над диспозитивностью в отечественном уголовном процессе.

Стремление Республики Беларусь более тесно сблизиться с высокоразвитыми государствами во всех сферах жизнедеятельности, включая правовой аспект, тенденции ко всемирной глобализации обуславливают необходимость интенсивной имплементации международных стандартов в области прав человека, демократических

правовых институтов в систему построения национально-го права. Расширение частных начал в уголовном процессе является одним из приоритетных направлений проводимой в Республике Беларусь судебно-правовой реформы. Государство стремится создать нормативные условия для предоставления гражданам возможности по ряду преступлений, где общественный вред минимален, самостоятельно урегулировать конфликтную ситуацию. При этом случаи вмешательства в данные правоотношения государственных органов минимизируются.

В науке уголовного процесса по сей день не снижается градус дискуссии о сущности диспозитивности, ее месте и степени воздействия на регулирование уголовно-процессуальных правоотношений.

Термин «диспозитивность» имеет латинское происхождение (от лат. *dispono* – располагаю): *dispositivus* – распоряжающийся, юридическое право участников договора или судебного процесса действовать по своему усмотрению [1, с. 146]. Авторы толкового словаря иностранных слов под диспозитивностью понимают свободу, допущение выбора [2]. Исходя из данного понимания указанной категории Д. С. Штоль на основе анализа философских представлений о ее сущности приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу о том, что «определяющим понятием диспозитивности как правового явления выступает свобода, связанная позитивным правом» [3, с. 20]. Сама диспозитивность, по мнению исследователя, «представляет собой обеспеченную законом свободу лица выбирать модель своего поведения, причем указанная свобода осуществляется только в пределах предоставленного права» [3, с. 20].

Изначально в юридическом мире диспозитивность понималось как присущая исключительно гражданскому процессу категория. Свидетельством тому является определение диспозитивности в словарях как советского [4], так и современного периода [5]. В связи с этим вопросы сущности и содержания диспозитивности исследовались комплексно на монографическом уровне именно представителями указанной и смежной с нею наук.

Впервые категория «диспозитивность» была определена еще в дореволюционный период профессором Е. В. Васильевским, который понимал под ней право «распоряжения сторон, во-первых, объектом процесса, т. е. теми требованиями, которые заявлены относительно данного права (*res in iudicium deducta*), и, во-вторых, процессуальными средствами защиты или нападения». Ученый выделял в ней две составляющие: материальную, под которой понимал право распоряжения объектом процесса, и процессуальную, представляющую собой возможность распоряжения средствами процессуальной защиты [6, с. 368]. Исследователь также указывал на то, что принцип диспозитивности нельзя назвать «беспредельным», несмотря на его принадлежность к числу «безусловных и непреложных» начал гражданского судопроизводства. Право свободного распоряжения сторон заключено в определенные границы, в рамках которых оно подлежит удовлетворению. Принцип диспозитивности не может выходить за пределы частно-правовой автономии, каждая сторона в процессе может осуществлять принадлежащие ей права, не нарушая при этом прав другой сторо-

ны, и, наконец, при осуществлении своих прав стороны должны строго придерживаться установленной законом процессуальной формы [6, с. 369–370].

В советский период принцип диспозитивности подвергался исследованию представителями науки гражданского права и процесса. Однако видение диспозитивности в указанный период носило ярко выраженный «классовый» характер, было основано на ленинском положении об активном вмешательстве государства в частно-правовые отношения, в гражданские дела, т. е. господство государственной и общественной заинтересованности, преобладающей над интересами отдельной личности [7, с. 61]. Диспозитивность понималась как свобода распоряжения материальными и процессуальными правами, но «при активной помощи суда, прокуратуры, других органов государства, общественных организаций и контроле суда» [8, с. 9], «под контролем суда, прокурора, органов государственного управления, государственных и общественных организаций» [9, с. 9].

Исследовалась проблема диспозитивности и отечественными учеными-цивилями. Так, И. В. Савина выделяет диспозитивность в качестве отраслевого принципа гражданского права и особенности метода его правового регулирования [10, с. 7–8]. В. А. Витушко понимает принцип диспозитивности как дозволение со стороны государства субъектам гражданских правоотношений регулировать их по своему усмотрению [11, с. 126]. Диспозитивность в качестве метода правового регулирования гражданского права рассматривают И. А. Маньковский и С. С. Вабищевич, указывая на преобладание в обозначенной отрасли диспозитивных норм по сравнению с императивными [12, с. 137–140]. Под диспозитивностью М. А. Знак понимает «основанную на нормах гражданского права юридическую свободу субъектов гражданского права выбирать вариант поведения в гражданском обороте, то есть правомерно, в установленных пределах приобретать и осуществлять субъективные гражданские права и юридические обязанности и распоряжаться ими» [13, с. 25].

Отдельные зарубежные цивилисты при характеристике диспозитивности не только считают ее принципом права, но и придают статус основополагающего (главного) принципа отрасли, раскрывающего самую суть регулируемых ей правоотношений. Так, О. В. Шутенко под принципом диспозитивности понимает «закрепленное в нормах гражданского процессуального права основное положение, которое раскрывает природу гражданских процессуальных правоотношений, отражает способность субъектов данных правоотношений распоряжаться в процессе материальными и процессуальными правами, в том числе определять пределы судебной защиты, влиять на возникновение, развитие и прекращение процесса» [14, с. 12].

Справедливости ради стоит отметить, что в настоящее время учеными диспозитивность рассматривается в большей мере в качестве общеправовой категории, присущей как публичным, так и частным отраслям права.

В отечественном уголовно-процессуальном законодательстве термин «диспозитивность» не закреплен. В науке уголовного процесса единства во взглядах на понятие диспозитивности не существует и в настоящее время.

Так, О. И. Рогова, полагает, что для уяснения понятия диспозитивности в уголовном процессе необходимо обратиться к родственной науке гражданско-процессуального права, в котором указанный принцип является превалирующим [15, с. 20]. По мнению А. С. Александрова, при исследовании проблем диспозитивности следует взять за основу труды цивилистов. Одновременно ученый настаивает на необходимости обоснования общепроцессуального значения принципа диспозитивности [16].

На наш взгляд, заслуживает положительной оценки использование достижений науки гражданского и гражданско-процессуального права, которые в определенной степени могут быть реализованы и в уголовном процессе. Однако целесообразно прислушаться и к позиции А. Е. Мусилимова, который считает, что «соотношение диспозитивных и публичных начал в уголовном процессе должно находиться в рациональных пределах, где, безусловно, публичное начало носит превалирующий характер. Крайние позиции, в соответствии с которыми разными научными школами признаются рациональными в уголовном процессе только публичные начала (И. Л. Петрухин, А. В. Головкин) либо безмерное расширение диспозитивных начал (А. С. Александров), являются неприемлемыми. Проявления публичных и диспозитивных начал в уголовном процессе носят дифференцированный характер в зависимости от степени общественной опасности уголовно наказуемого деяния, совершение которого является основанием для уголовного производства» [17, с. 9].

Раскрыть сущность диспозитивности в уголовном процессе позволяет ее сопоставление с публичностью. Со слов П. И. Люблинского, «... установление границ для применения легальной и диспозитивной основ ... изучение их форм и юридической силы – вот основная задача процессуалиста» [18, с. 145]. Ученый придерживался взгляда, согласно которому процессуальные действия частных лиц могут влиять на движение уголовного дела. Причем руководящую роль в процессе он отводил не принципу публичности (легальности), а диспозитивности [18, с. 138].

Исследователи справедливо отмечали, что производство по уголовным делам частного обвинения имеет много общего с исковым производством в гражданском процессе. Это наводило их на мысль об общности принципов, действующих в указанных отраслях права. Например, И. Я. Фойницкий полагал, что частное начало характерно более для гражданского процесса, однако черты искового характера уголовного процесса сохранились в делах частного обвинения [19, с. 60].

Сходную позицию занимал и В. К. Случевский, по мнению которого наряду с публичным интересом при производстве по делу затрагиваются также частные интересы лиц, в нем участвующих, и для их охраны пришлось установить начало, ограничивающее принцип публичности, «в силу которого судьи, в установленных законом пределах, осуществляют процессуальную деятельность только настолько, насколько сторона признает необходимым возбуждать эту деятельность в видах охранения своих прав» [20, с. 49]. Автором выделялось «начало произвольности действий частных лиц в процессе», которое проявлялось в двух основных формах: положительный отказ от своих процессуальных прав и пассивное отношение к процес-

суальной деятельности суда [20, с. 51]. Применительно к категории дел частного обвинения ученым указывалось, что данный вид производства – «главная сфера применения начала произвольности частных лиц...» [20, с. 49].

В советский период утверждение о главенствующей роли публичности в уголовном процессе становится почти непререкаемым. Как правило, в юридических энциклопедиях и словарях того времени о диспозитивности говорили как о принципе, свойственном лишь гражданскому процессу [21, с. 559; 22, с. 85]. Характерно иллюстрирует это и понимание принципа публичности как «проведение государственными органами уголовного преследования, расследования и рассмотрения уголовного дела на основе их должностных полномочий в интересах социалистического государства и всего народа» [23, с. 7]. Очевидно, что интересы отдельной личности не принимались во внимание.

Использование термина «диспозитивность» относительно уголовного процесса очень часто носило негативный оттенок. Считалось, что это противоречит принципу объективной истины (последним обосновывалась известная теория формальных доказательств, автором которой считался А. Я. Вышинский). По данной причине в уголовном процессе категории «диспозитивность», «состязательность» подвергались публичному остракизму, а любая попытка их исследовать априори признавалась бесплодной, идеологически вредной и научно обосновательной.

Так, Н. Н. Полянский полагал, что весь уголовный процесс подчинен принципу публичности, то есть интересам государства и общества, а принцип диспозитивности имеет межотраслевой характер, присущ как гражданскому, так и уголовному процессу, но в последнем имеет очень ограниченное действие [24, с. 84, 228].

Подобные рассуждения высказывал и М. С. Строгович, который определял диспозитивность как свободу сторон распоряжаться своими правами. При этом автор впервые в науке уголовного процесса выделил материальную и процессуальную диспозитивность. Первая понималась им как свобода распоряжения предметом уголовного процесса (обвинением), проявляющаяся при производстве по уголовным делам частного обвинения и при возбуждении дел частного-публичного обвинения. Процессуальная диспозитивность понималась ученым как свобода распоряжения процессуальными средствами для отстаивания своих интересов и защиты прав. Ее проявление виделось в свободе усмотрения стороны заявить или не заявить ходатайство либо в обжаловании определенных судебных или следственных действий и решений, приговора и т. д. [25, с. 81–82].

В. М. Савицкий и И. И. Потеружа видели проявление диспозитивности в уголовном процессе в том, что осуществление потерпевшим своих прав не является его процессуальной обязанностью. Потерпевший может воспользоваться предоставленными ему правами для разоблачения определенных лиц в совершении преступления и с этой целью принять активное участие в исследовании доказательств, обжаловать приговор и т. п. Однако в силу начала диспозитивности он может отказаться от реализации этих прав и полностью положиться на деятельность соответствующих государственных органов [26, с. 24–25].

Наличие в уголовном процессе принципа диспозитивности А. Л. Цыпкин обосновывал тем, что лица, участвующие в уголовно-процессуальной деятельности, имеют возможность распоряжаться своими правами, причем наделение их определенными правами не корреспондирует им обязанности воспользоваться ими [27, с. 132]. По мнению исследователя, диспозитивность в уголовном процессе может проявляться в свободе распоряжения обвинением по делам частного обвинения, в праве лица, которое понесло ущерб от преступления, заявить гражданский иск при производстве по уголовному делу, а также в свободе участников процесса распоряжаться своими процессуальными правами [27, с. 132, 133]. К проявлениям диспозитивности упоминавшийся ученый относил право обвиняемого представлять доказательства, давать показания, решать вопрос об участии в деле защитника. При этом он считал, что диспозитивность проявляется не только в отношении обвиняемого, но и в отношении других участников процесса (гражданского истца, потерпевшего), и существует не только в стадии судебного разбирательства, но и в других стадиях процесса [27, с. 133–135].

На современном этапе большинство зарубежных исследователей правовой природы диспозитивности рассматривают ее, во-первых, как элемент принципа состязательности [28, с. 17, 21], во-вторых, признают ее существование в уголовном процессе лишь в случае, когда законодатель по каким-либо причинам отходит от принципа публичности [29, с. 180], и, наконец, в-третьих, диспозитивность рассматривается как самостоятельный принцип уголовного процесса [16, с. 56].

Отечественными учеными-процессуалистами также уделяется определенное внимание вопросам диспозитивности. Так, П. В. Мытник подчеркивает, что в уголовном процессе главенствует принцип публичности, диспозитивность же проявляет себя «в отдельных основаниях освобождения от уголовной ответственности (гл. 12, ст. 30 УПК), расширении перечня дел частного и частно-публичного обвинения (ст. 33 УК, ст. 26 УПК)» [30, с. 100–101]. Соглашаясь с позицией российских коллег, ученый приходит к выводу, что диспозитивность следует рассматривать в широком смысле – как свободу пользоваться предоставленными правами, в узком – как свободу распоряжения предметом уголовного процесса, субъектами диспозитивности не могут быть суд и другие должностные лица, участвующие в уголовном процессе [31, с. 58].

Немало внимания на страницах печати уделено вопросу соотношения публичности и диспозитивности. По мнению Е. В. Около-Кулак, диспозитивность является элементом принципа публичности. Солидаризируясь с позицией Б. Т. Безлепкина, Ю. Н. Белозерова, В. К. Боброва, автор обосновывает свою позицию невозможностью противопоставления публичности и диспозитивности как категорий «разного уровня абстракции» [32, с. 205]. По словам исследователя, диспозитивность реализуется в уголовном процессе посредством реализации участниками дискреционных оснований, субъектами которых, на ее взгляд, могут выступать государственные органы и должностные лица.

Обозначенная позиция представляется бесспорной, так как указанные участники действуют исключительно в публичных интересах и, как верно отмечает Д. С. Штоль,

«для выполнения возложенных на них функций им предоставлены широкие права, осуществление которых является скорее обязанностью чем правом, то есть в их действиях отсутствует свобода распоряжения» [3, с. 72]. В силу этого автор не рассматривает в качестве субъекта диспозитивности и судебные органы, справедливо отмечая, что они осуществляют разрешение уголовного дела по существу в качестве проявления своей публичной функции [3, с. 72].

Говоря о возможности противопоставления публичности и диспозитивности, трудно не согласиться с позицией В. В. Хатуаевой, которая указывает, что «два метода правового регулирования, два руководящих начала, определяющих смешанный тип судопроизводства, по своей сущности не могут быть различны в уровне абстракции, их необходимо соотносить друг с другом хотя бы в силу того, что они регулируют одни и те же общественные отношения [2, с. 69–70].

Для более наглядного восприятия сущности диспозитивности в уголовном процессе представляется необходимым исследовать формы ее проявления в уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, И. С. Дикарев считает, что не реализацию лицом своего диспозитивного права в ходе производства по конкретному уголовному делу, а само существование такого права следует считать формой проявления диспозитивности, поскольку диспозитивность – это явление, которое объективно существует, которое нашло отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, а следовательно, содержание диспозитивности не зависит от того, реализовано ли определенное диспозитивное право на практике в ходе производства по конкретному уголовному делу. Автор утверждает, что формами проявления диспозитивности есть отдельные права участников уголовного процесса, отстаиваемых в деле свой личный, защищаемый или представляемый интерес [33, с. 81–82]. Ученый полагает, что такие права обладают следующими характерными чертами: а) являются диспозитивными, если они реализуются с целью защиты личных, защищаемых или представляемых интересов; б) к диспозитивным относятся только те права, реализация которых существенно влияет на развитие производства по уголовному делу [33, с. 87–92].

Говоря о том, что диспозитивными являются права, реализация которых существенно влияет на производство по уголовному делу, И. С. Дикарев отмечает, что понятие «влияние на производство по уголовному делу» более объемно по содержанию, чем понятие «распоряжение предметом уголовного процесса» [33, с. 92].

В науке термин «распоряжение предметом уголовного процесса» традиционно связывается с теми полномочиями, которые обуславливают его начало, дальнейшее движение и завершение [15, с. 133]. Другими словами, исследуемая категория означает фактическую возможность лица определять дальнейшее движение уголовного дела. В связи с этим возникает вопрос: что же является тем самым «двигателем» уголовного процесса? Как обоснованно указывали Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников, «пружиной, действие которой обуславливает развитие процесса» является обвинение [34, с. 4–75].

При этом они, как, впрочем, и один из первых разработчиков концепции единой отрасли процессуального «судебного права» В. А. Рязановский, говорили о том, что право на иск, независимо от того, будет ли этот иск гражданским, уголовным или административным, имеет одну и ту же природу [34, с. 109; 35, с. 30]. Право на иск является не самим нарушенным или оспариваемым материальным правом, а обеспеченной законом возможностью его защиты в определенном процессуальном порядке; требованием, обращенным к государству в лице суда о постановлении объективного и справедливого судебного решения.

Не отрицая зависимости, подчиненности гражданского иска в уголовном процессе от обвинения, считаем, что указанному процессуальному институту все же свойственна диспозитивная основа. Сказанное в полной мере подтверждается тем, что решение вопроса о предъявлении требования о возмещении имущественного ущерба или компенсации морального (неимущественного) вреда принадлежит самому заинтересованному лицу, им же определяется и объем этих требований. Обвинение уполномочены предъявлять как частное лицо, так и государственный обвинитель (прокурор). Однако для прокурора это право, выступая одновременно обязанностью, не является диспозитивным.

Наиболее яркие примеры проявления диспозитивности в уголовном процессе содержит институт частного обвинения: 1) право лица, пострадавшего от совершения преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 26 УПК, самостоятельно решать вопрос об обращении в орган, ведущий уголовный процесс, для защиты своего нарушенного права либо нет; 2) право пострадавшего (частного обвинителя) по делам частного обвинения примиряться с обвиняемым, что влечет прекращение производства по делу; 3) право обвиняемого по делам этой категории на подачу встречного заявления; 4) право обвиняемого возражать против прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (так же, как и право давать согласие на прекращение уголовного дела в таких случаях); 5) право потерпевшего от преступления лица предъявить по уголовному делу гражданский иск о возмещении причиненного преступлением имущественного ущерба и (или) компенсации морального (или неимущественного) вреда либо воздержаться от реализации этого права (отказавшись от предъявления иска вообще или от поддержания его в полном объеме или в части и т. д.

Что касается процессуальной диспозитивности, то, по мнению И. С. Дикарева, ее действие в уголовном судопроизводстве сопряжено с предоставлением участникам и другим заинтересованным лицам для защиты отстаиваемых ими частных интересов процессуальных прав, реализация которых не связана с распоряжением непосредственно предметом уголовного процесса, однако существенно влияет на производство по уголовному делу [33, с. 101]. Представляется, данное влияние выражается в том, что реализация прав может существенно повлиять на принятие окончательного решения по делу. Однако весьма затруднительно определить, что под этим понимать: затягивание рассмотрения дела, невозможность принятия решения и т. д.

Ряд исследователей полагают, что под процессуальной диспозитивностью следует понимать свободу распоряже-

ния не любыми процессуальными правами, а лишь теми из них, которые влияют на ход процесса (его возникновение, движение и окончание) [15, с. 9]. Думается, что подобный взгляд на содержание диспозитивности не может быть признан в полной мере соответствующим современному состоянию развития науки уголовного процесса. Диспозитивность позволяет заинтересованным лицам влиять не только на возникновение и развитие процесса, но и использовать любые предоставленные законом права в целях реализации наиболее полной защиты своих интересов. Примерами служат право обвиняемого представлять доказательства, давать показания, иметь защитника, право сторон заявлять ходатайства, право потерпевшего участвовать в исследовании доказательств, заявлять гражданский иск и т. д. [36, с. 156; 27, с. 133–136].

Представляется, что процессуальную диспозитивность возможно разделить на две группы: а) в широком смысле (понимаемую как свобода распоряжения любыми процессуальными правами); б) в узком смысле (закрывающуюся в возможности распоряжаться только теми из них, которые способны влиять на развитие процесса – его начало, движение (переход из стадии в стадию) и окончание).

Для участников уголовного процесса, выступающих на стороне обвинения или защиты, процессуальная диспозитивность – это прежде всего возможность, используя процессуальные права, отстаивать свою позицию по делу, эффективно осуществлять уголовно-процессуальную функцию (защиты или обвинения). Как писал В. А. Рязановский, «если стороне в процессе принадлежит распоряжение самим субъективным правом – ей должно принадлежать и распоряжение процессуальными средствами борьбы для защиты этого права: приводить доказательства, обжаловать решение суда или нет и т. п. (формальная диспозитивность)» [35, с. 45].

Таким образом, в результате этимологического и теоретического исследования сущности и содержания диспозитивности в уголовном процессе, анализе генезиса научных взглядов представляется целесообразным сделать следующие выводы.

Диспозитивность в юриспруденции – свобода субъекта правовых отношений выбирать модель своего поведения. При этом свобода осуществляется только в пределах предоставленного права.

Преобладая в отечественной цивилистике, диспозитивность до настоящего времени не получила развития до принципа уголовного процесса ввиду специфики этой подотрасли (ее публичный характер). Вместе с тем она является неотъемлемым и, как показывают тенденции совершенствования уголовно-процессуального законодательства, перманентно расширяющимся элементом соответствующих правоотношений.

Наиболее ярким проявлением диспозитивности в уголовно-процессуальном праве служит институт производства по делам частного обвинения. Помимо этого диспозитивность находит отражение и в праве обвиняемого представлять доказательства, давать показания, иметь защитника, в праве сторон заявлять ходатайства, в праве потерпевшего участвовать в исследовании доказательств, заявлять гражданский иск и т. д. Сюда следует отнести возможность использовать любые процессуальные

права, имеющиеся в распоряжении участников процесса и других заинтересованных лиц. Сторонники более узкого подхода к сущности и проявлениям диспозитивности в уголовном процессе говорят о возможности распоряжаться исключительно правомочиями, реализация которых способна влиять на развитие процесса – его начало, переход из стадии в стадию и окончание.

Вектор развития рассматриваемой категории, интенсивность расширения диспозитивности в уголовном процессе позволяют сделать умозаключение о потенциальном зарождении нового принципа при условии сохранения избранного курса совершенствования уголовно-процессуального законодательства, темпов имплементации в него общепризнанных международных прогрессивных институтов и элементов.

Список использованных источников

1. Краткий юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – М. : Институт новой экономики, 2005. – 1088 с.
2. Хатуаева, В. В. Реализация диспозитивного начала при регламентации упрощенных форм уголовного судопроизводства / В. В. Хатуаева. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2005. – 201 с.
3. Штоль, Д. С. Диспозитивность и ее отдельные проявления в уголовном процессе Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. – Челябинск, 2009. – 212 с.
4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иностранных слов: Ок. 25 000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – 5-е изд. – М. : Рус. яз., 2003 – 854 с.
5. Сухарев, А. Д. Большой юридический словарь / А. Д. Сухарев. – М., 2005. – 734 с.
6. Васильковский, Е. В. Курс гражданского процесса / Е. В. Васильковский. – М. : Изд. бр. Башмаковых. Типолитограф. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1913. – Т. 1. – 693 с.
7. Штефман, М. И. Принципы советского гражданского процессуального права / М. И. Штефман. – Киев [Б.и.], 1979. – 70 с.
8. Орлова, Л. М. Принцип диспозитивности в советском гражданском процессуальном праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. М. Орлова, Киев, 1970. – 17 с.
9. Евдотьева, И. А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. А. Евдотьева. – М., 1983. – 22 с.
10. Гражданское право. Общая часть : учеб. пособие / И. В. Савина. – Минск, Акад МВД, 2013 – 383 с.
11. Витушко, В. А. Курс гражданского права : Общая часть. Т. 1. / В. А. Витушко. – Минск : БГУ, 2001. – 441 с.
12. Маньковский, И. А. Гражданское право. Общая часть : в 3 т. – Т. 1. Введение в гражданское право / И. А. Маньковский, С. С. Вабищевич. – Минск : Междунар. уни-т «МИТСО», 2013. – 448 с.
13. Знак, М. А. Диспозитивность договорной ответственности в гражданском праве Республики Беларусь : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М. А. Знак. – Минск, 2009. – 157 с.
14. Шутенко, О. В. Проблемы диспозитивности в гражданском судопроизводстве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. В. Шутенко. – Харьков, 2003. – 19 с.
15. Рогова, О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : дисс. канд. юрид. наук / О. И. Рогова. – Томск, 1994.
16. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. С. Александров. – Нижний Новгород, 1995. – 243 с.
17. Мусилимов, А. Е. Диспозитивность в уголовном процессе Республики Казахстан : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Е. Мусилимов. – Караганда, 2004 – 34 с.
18. Люблинский, П. И. Новая теория уголовного процесса / П. И. Люблинский. – Пг. : Сенатская тип., 1916. – 44 с.
19. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. – Т. 1. – СПб. : Изд-во «Альфа», 1996. – 552 с.
20. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса / В. К. Случевский. – Изд. 1-е. – СПб., 1895.
21. Энциклопедический словарь : в 3 т. – Т. 1. Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия»; гл. ред. Б. А. Венденский. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – 719 с.
22. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев; ред. кол.: М. М. Богуславский, М. И. Козырь, Г. М. Миньковский и др. – М. : Сов. Энциклопедия, 1984. М.: Сов. Энциклопедия, 1984. – 415с.
23. Масленникова, Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве / Л. Н. Масленникова. – М., 2000 – 179 с.
24. Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. – 271с.
25. Строгович, М. С. Уголовный процесс / М. С. Строгович. – М.: Госюриздат, 1946. – 482 с.
26. Савицкий, В. М., Потеружа, И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе / В. М. Савицкий, И. И. Потеружа. – М.: Государственное изд-во юрид.лит., 1963. – 171с.
27. Цыпкин, А. Л. О диспозитивность в советском уголовном процессе // Советское государство и право / А. Л. Цыпкин. – 1958. – № 3. – С. 130–132.
28. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности и процессуальный режим производства по уголовному делу / М. Т. Аширбекова. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 240 с.
29. Шамардин, А. А. Частные начала обвинения и становление принципа диспозитивности в уголовном процессе России : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Шамардин. – Оренбург, 2001. – 200 с.
30. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И. В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И. В. Данько. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 478 с.
31. Мытник, П. В. О публичности и диспозитивности в уголовном процессе / П. В. Мытник // Вестник Академии МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 1. – С. 56–60.
32. Около-Кулак, Е. В. О содержании принципа публичности в уголовном процессе / Е. В. Около-Кулак // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2011. – № 14. – С. 204–207.
33. Дикарев, И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. С. Дикарев. – Волгоград, 2004. – 208 с.
34. Полянский, Н.Н. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, В. М. Савицкий [и др.] ; под ред. В. М. Савицкого. – М. : Наука, 1983. – 223 с.
35. Рязановский, В. А. Единство процесса: пособие / В. А. Рязановский. Переизд. 1920 г. –М. : Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1996. – 74 с.
36. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. – Т. 1. – М. : Наука, 1968. – 470 с.